

Леонов А.С. Метаморфозы концепции государственного суверенитета в свете практики гуманитарных интервенций

Во второй половине XX века категория государственного суверенитета получила новое развитие и вновь привлекла внимание общественных наук, в том числе теории международного права и теории государства в целом. Особой актуальностью этот вопрос отмечен и в плоскости теории международных отношений и политических наук. Особое внимание представителей теории права и международного права к концепту государственного суверенитета связано с неизбежностью восприятия последствий глобализации мирового сообщества, трансформации государства (и, следовательно, суверенитета как одного из самых существенных его атрибутов), в качестве главного субъекта международных правоотношений и мировой политики. Взгляды на концепт государственного суверенитета подчас являются прямо противоположными: одни сводятся к утверждению об исчезновении этого понятия как такового, другие - к отрицанию каких-либо существенных изменений его содержания и смысла.

Серьезный вызов концепции суверенитета (в том виде, как она закреплена в Уставе ООН) бросила серия гуманитарных интервенций 1990-х и начала 2000-х гг., инициированных главным образом США [1, С. 29]. В данном случае речь шла не столько о теоретических спорах, сколько о вполне практических делах: США и их ближайшие союзники стремились, создав прецедент, закрепить за собой право на подобного рода интервенции в любой точке земного шара и в любое удобное им время. Параллельно последовала целая серия попыток по пересмотру принципов и норм международного права в нужном сторонникам гуманитарных интервенций направлении (прежде всего, в виде предложений по изменению Устава ООН в той его части, которая утверждает соблюдение суверенитета государств в качестве одного из ведущих принципов международного права) [1, С. 29].

Гуманитарные интервенции приобрели популярность в XIX веке, когда великие державы под предлогом покровительства над своими «соплеменниками» осуществляли силовые акции, укрепляя на деле собственное стратегическое положение. Так, к примеру, Франция обосновывала направление своих войск в Ливан в 1860 г. спасением маронитов. Схожими предложениями (защита своих подданных и китайских христиан) во время Боксёрского восстания (1898-1901 гг.) пользовалась военная экспедиция Германии, Австро-Венгрии, США, Франции, Великобритании, Италии, России и Японии в Китай в 1901 г. [2].

Между двумя мировыми войнами происходят кардинальные изменения в сознании, как американцев, так и европейских народов: если международные инициативы В.Вильсона, призванные застолбить интернационализм и американское преобладание, воспринимались скептически даже общественным мнением самой Америки, то проект Ф. Д. Рузвельта по созданию «четырёх глобальных полицейских», способных покарать «злоумышленников» в любой точке планеты, уже был встречен с одобрением [2].

Однако, гуманитарные интервенции, ориентированные на предотвращение насилия или геноцида местного населения, так ни разу и не достигли поставленных целей. Напротив, вторжение на территорию иностранного государства, блокирующее действия ненавистного правительства, зачастую стимулировало хаос и длительную борьбу различных политических группировок. Примером того является операция США и их союзников в Ираке, вмешательство Вашингтона в Сомали, действия Североатлантического альянса в Боснии и Сербии и т.д.

Сегодня нет четких определений ни самого понятия «гуманитарные интервенции», ни выработанной юридической базы их проведения. По мнению российского политолога Н.В. Модина, если с вопросом существования данного явления разногласия удалось уладить и признать на

самых разных уровнях его существование (вплоть до ООН и НАТО), то по поводу времени появления, правомерности использования и непосредственно определения данного феномена споры все еще активно ведутся [3].

Тем не менее, большинство теоретиков, политологов и специалистов по международному праву понимают гуманитарную интервенцию как «применение силы или угрозу силой, осуществляемые государством или группой государств за пределами своих границ и без согласия страны, на территории которой применяется сила, и направленные на предотвращение или пресечение масштабных и грубых нарушений основных прав людей, не являющихся гражданами этих государств».

В том, что касается самого термина, то одним из его авторов был министр иностранных дел Франции Бернар Кушнер. В 1968 году он сформулировал положения о «необходимости западного вооруженного вмешательства в этнополитические конфликты с целью недопущения геноцида»[4].

Югославские войны стали идеальной возможностью реализовать на практике то, что к тому времени превратилось в доктрину «гуманитарной интервенции». В это же время, в 1999 г., сам термин «гуманитарная интервенция» вошел в статус государственной политики США и Великобритании. В апреле 1999 г. в Чикаго в канун юбилейного Вашингтонского саммита НАТО премьер-министр Великобритании Тони Блэр впервые использовал его для определения будущей политики НАТО на Балканах [5].

В основу концепции был положен тезис о том, что гуманитарная катастрофа никогда не может считаться чисто внутренним делом того или иного государства и что международное сообщество не только «вправе», но даже обязано «решительно вмешаться» в подобные острые гуманитарные кризисы, а в сущности, - во внутренние дела суверенных государств, «для их оперативного выправления». Налицо, таким образом, связь между

гуманитарной интервенцией и еще одной активно продвигаемой рядом стран Запада концепцией «ограниченного суверенитета», также предполагающей возможность внешнего, в том числе силового, вмешательства во внутренние дела государств под гуманитарными предлогами [6].

Сегодня можно выделить два отличающихся подхода к праву на «гуманитарную интервенцию». Одни государства (в первую очередь члены НАТО и их союзники) прямо допускают возможность вмешательства во внутренние конфликты под предлогом гуманитарных катастроф без санкции со стороны Совета Безопасности ООН. Другие отстаивают незыблемость закрепленных в Уставе ООН принципов – в частности, на исключительные прерогативы Совета Безопасности ООН по санкционированию мер принуждения, включая военную силу.

Очевидно, что невозможно отрицать сложность применения принципов Устава ООН в ситуациях, когда устоявшееся понимание национального суверенитета больше не отвечает стремлению народов к обретению фундаментальных прав. В этой сфере компромисс не всегда может стать эффективной формулой согласованных международных действий, а принцип невмешательства во внутренние дела государства эволюционирует в направлении более широкого толкования[7].

Таким образом, доктрина «гуманитарной интервенции» представляет собой, по сути, право на «вмешательство с целью защиты прав человека». Вопрос легитимности такого вмешательства остается в плоскости международного права. Его взаимосвязь с понятием государственного суверенитета представляет интерес для теоретической науки. Однако легитимность гуманитарной интервенции в конечном счете определяется иерархией ценностей в их современном понимании, а именно, взаимосвязью и соотношением прав человека и государственного суверенитета. Практика показывает, что абсолютный характер суверенитета может быть преодолен необходимостью охраны прав личности, что, однако, не соответствует

современному международному праву системы ООН. Это несоответствие может означать отнюдь не регресс межгосударственных отношений, а напротив – развитие, эволюцию. В теорию государства практика гуманитарных интервенций также вносит свою важную лепту: она показывает, что права человека, тот ценностный ориентир «идеальной» гуманитарной интервенции, является, в сущности, важным ограничителем государственного суверенитета, который, пройдя многовековую историю формирования, выходит сегодня на новый уровень трансформации под влиянием меняющихся межгосударственных отношений.

1. Тихонов В.Г. Суверенитет: эволюция концепта //Eurasian review, Volume 3, November 2010. С. 29-40.
2. Цатурян С. Гуманитарные интервенции: выстраивая глобальный суверенитет //http://aeac.ru/?p=1694
3. Модин Н.В. «Гуманитарная интервенция» как метод регулирования международных конфликтов. М., 2003.
4. Kouchner B. Media Doc of «Humanitarian Intervention». Sarko and the Ghosts of May. New York, 1968.
5. NATO Handbook: The Strategic Concept of the Alliance. 1999.
6. J.L. Holzgrefe and R. Keohane Humanitarian Intervention: Ethical, Legal and Political Dilemmas, Cambridge: Cambridge University Press, 2003, pp. 93-129.
7. Bellamy A. Power, rules and argument: new approaches to humanitarian intervention // Australian Journal of International Affairs. Nov 2003, Vol. 57, No.3, pp.499-512.